

* * *

немеют сени, а за дверьми
он, маннергейма презрев порог,
лежит и тешится над людьми,
как умирающий скоморох.
лежит в колодце, и брёвен дуб
над ним смыкается в хоровод;
а мимо тащится лесоруб
с косою и держится за живот.
но в леденеющем том огне
ни пеплом сгнуть, ни замереть,
когда бессмертие лжёт втрое,
когда от песни осталась треть.
он голубых не смыкает век,
и alter ego его рябой
в охалку схватит, подбросит вверх
и приютит над печной трубой.
там разглядит, как плывут гуськом
двор, баня, кол, черепки за ним,
да в подпол канет проклятый дом,
оставив едкий на память дым.

* * *

если забраться на мельницу можно дать обратный отсчёт озимым
и в пыли отрубей различить монотонность работы

ибо крыша прозрачна как ладонь дарующего

а этот скрежещущий полумрак оживёт по истечении зёрен
приблизится к тебе на жерновах будущего

област холодком точно смутой и озарением

проковыляет мимо

у края нивы затухающее ещё отчётливое дребезжание
вдогонку твоему праху

АСТРОЛОГИЯ ЗА КУЛИСАМИ

храброго овна целей,
ситом грозит водолей:
даже ночная волчица
вскоре сюда просочится

сонную спесь одолев,
львьятам советует лев:
дети мои, на удачу
множите сверхзадачу

двое с ларца, близнецы,
делу годятся в отцы.
шепчут: согласно прогнозу,
звёзды споют лакримозу

только, ни друг и ни враг,
камни ворочает рак,
свистом котов заразив.
красный уже, как сизиф.

* * *

что тебе, похититель драм,
голос общий и нутряной.
где там жало твоё, где грим.
только веко тебе и дано –
рисовать на немой грозе
лесопризрак, да вслед за ним,
как ночные две стрекозы
зашивают, пронзая, нимб.
заровняешь ли пустотой
сад покоя и ритм травы:
за калиткой поверишь ей,
возвращаясь туда, где мы.

ЛАД

спиною прилечь на ломтики предчувствий как на сухие листья в лесу

повсюду над землёй пары молочного солнца

в неведении о мута яблочного прозреть бескрайние кроны
беспечность зайчиком кривляется и щекочет рыжих короедов
покачиваться благодарным глотком в щебетании гостей для нового гостя
изменница а ты поёшь невидимке
осенённые неразрешённой пылью на волосах оставить противоречия

* * *

древний как пономарь
сетует календарь:
если бы реки вспять, то врозь
с хароном бы не пришлось.
были бы двойники
с телом да в три руки:
я – без десницы брэнной, он –
в норме, ведь он харон.
оберегал бы пёс
плот на двоих и привоз;
дёснами до былых петухов
жамкал бы книгу грехов.
мы же в кромешной дали
пели бы гимн и гребли
к вечному стану, где сонмы богов
ждут без друзей и врагов.
мы бы не знали с ним
тлена; по выходным
мы запасной доставали бы плот
и гнали бы кто вперёд.
вместо луны, ветров
над головами – кров
призрачный, а за спиной –
гвоздь со своей стеной.

ИЗ ЦИКЛА «ПОСЛЕДНЕЕ»

старые лямки на детских плечах
две ведьмы
гордости слабости

спускаются и скользят
по недотроге
в белых шортиках

он пытается с ними
играть и дружить
смеётся им вслед за голубями

опустошит
и снова наполнит
песком в лопатке
снятый рюкзак

протяни же мне руку
в морщинах

умоляю

* * *

нас осталось один, но ни я и ни ты
не признаем его в закромах темноты,
тесноты и отрады, спешащей, палящей,
влекущей отсутствие тела вообще.

нас не мерить узлами и милями, нас
обесточит по буквам глумливый рас-
сказ. растечётся слюной по коре баобаба,
по горе Заклиной и расквасит камнями
тот язык, что проник,
что заглох между нами.

из таких же, как мы, состоят дерева,
и таких же выносят к святым. тетива
прогибается хрипло у взнузданной арфы
для того, кто меж нами, того, кто не прав – и
витает бесцветным для нас метеором,
а собратья (их нет) голосаю ему хором.

так о чём же?.

гляди! этот проблеск яд,
говорят, разбросает песчинки стократ,
создавая иллюзию:

мы не одни,
изменённые, только – собою гонимы
батогоми ли, нитями братства вовне,
близ Шумера, Сицилии иль Пиреней?
но ему, одному, нипочём:
он не ведал сравнений,
не помнил себя

..ну, а мы.

мы – рядами, гуськом,
полустадом, до пят
обмелевшим от птичьих кормов,
мы уже не сотрём каблуков.
да и ты, мальчик,
будешь таков.